

В.В. РОЗАНОВ И ЗАГАДКА РУССКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ**АННОТАЦИЯ**

1. Приведены некоторые агитационные аргументы в пользу установления достаточно солидного памятника в г. Брянске В.В. Розанову в аспекте деятельности сего мыслителя в нашем городе в конце позапрошлого века.

2. Предпринята попытка указать удобоваримое соотношение понятий «разум», «рациональность», «знание», «понимание», «духовность» в контексте необходимой популяризации философского знания.

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ

Наверняка, многим (и обучающим, и обучаемым) знакомо имя русского философа эпохи Декаданса (= «Серебряного века») Василия Васильевича Розанова, но не все осведомлены о том, что ни в одном городе на свете он не был более философом, нежели в Брянске, когда работал в здешней прогимназии преподавателем истории и географии и, сбегая от жены, упоённо писал свою первую, более чем в 700 страниц книгу «**П о н и м а н и и . Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания**» (1882–1886) [9], писал её отважно, не задумываясь даже о таком критерии научности как ссылки на авторов-предшественников, которыми по широте душевной логично пренебрегал [7]. Следующий, елецкий период жизни В.В. существенно отличается от брянского: в Ельце учитель Розанов не только сменил свою первую жену на вторую, но и фактически переключился как автор с философии на педагогику; и в дальнейшем уже не было, по сути, такого *философа* — Розанова, а существовал только лишь *мыслитель* Розанов, мыслителей же у нас в России вечно хоть отбавляй: все мы, можно сказать, мыслители. В этой связи возникает законный вопрос: почему в Брянске доселе не воздвигнуто памятника Розанову-философу, примерно такого же величественного монумента, как Ф.И. Тютчеву, или даже ещё величественней? Нет, не научились ещё у нас ценить философов, не научились. До сих пор славен Брянск броневой славою города отечественных Партизан, а отнюдь не мудрою славою города Понимания. Между тем Понимание актуально сегодня, как воздух, в этот безумный наш век, когда знания прут у нас из ушей, а понимания (или, лучше сказать, понима-

ния по-розановски) остаётся всё меньше и меньше, так что это скорее оно, а не В.В., нуждается теперь в памятнике.

Да необходимо ли, право, для жизни нашей нам собственно розановское понимание, или же мы, недостойные наследники, вырабатываем у себя какое-то другое, своё?.. Недавно мне попались два определения понятию «рациональность». Одно (из нового учебника) гласит: «рациональность — это умопостигаемость объективного общего, особый процесс овладения мыслью, бытием, особая размерность сознательной деятельности, движение мышления по "логике бытия", глубоко онтологически обусловленное» [4, с. 21]. Другое определение — не помню откуда; в отличие от четырёхэтажного первого, оно заметно короче: «рациональность — это реализующаяся в мышлении способность разума (= духовной деятельности) к самоограничению и коммуникации». Но приведённые определения различаются не только размером — у них разные компоненты: в первом два компонента — субъектный (*ум, постижение, овладение, сознание, деятельность, мышление*) и объектный (*объективно общее, мысль, бытие с его логикой и онтология с её детерминацией*); и во втором определении компонентов тоже два: субъектный и... интересубъектный. — Вот, похоже, подумал я, то ли две разные рациональности, то ли две разные парадигмы. И верно, вот что пишет современный исследователь: «Современная интеллектуальная среда характеризуется в целом столкновением двух типов рациональности, двух альтернативных подходов: объективизма с его стремлением найти инвариантную основу всех суждений о действительности (субъект-объектная рациональность) и субъективизма (или относительности), который принимает форму антропологически и социологически направленного контекстуализма (субъект-субъектная рациональность)» [8]. Давайте же спросим: а какого типа рациональности придерживался наш В.В. Розанов?

Легче всего отмахнуться: дескать, ни о какой рациональности речи идти не может, потому как всем известно, что Розанов заядлый *мистик-иррационалист* [7, с. 6], широкая русская душа, неуправляемая писательская натура, у которой на всё есть тысяча точек зрения, — одним словом, предтеча постмодернизма как бы. Но ведь это не так или не вполне так, это уход от анализа и отказ от попытки Розанова реально понять. Это позже, став известным столичным публицистом, назло любимым читателям В.В. будет уже сознательно, артистически продуцировать печатную иррациональность; работы же мо-

лодого Розанова — и философия *понимания*, и педагогические статьи — демонстрируют нам как раз его стремление быть как можно более рациональным. Недаром его педагогические идеи ныне подхвачены и обсуждены современными педагогами-теоретиками и философами образования [3]. Но представлять Розанова оплотом рациональной педагогической и философской мысли — другая непристойная крайность... Здесь, однако, необходимо учесть ту специфику рациональности гуманитарного знания, которая позволяет ему быть весьма рациональностно многоликим, так что в нём, как в доброй коммуналке, легко уживаются и аксиомно-теоремный рационализм школьной математики, и неопределённый рационализм ядерной физики, и вызывающая к экологизму всего и вся постнеклассика [5]. В годы, когда молодой Розанов яростно теоретизировал о педагогике, в просвещённом мире, как известно, наметился переход от рационализма классического к неклассическому. И всё-таки эта знаменитая нынче схематическая триада В.С. Стёпина «классика—неклассика—постнеклассика» применительно к Розанову (да и, признаемся, не только к нему) практически мало что объясняет. Зато вышеуказанная оппозиция «объективизма» и «субъективизма» позволяет продвинуться в понимании Розанова существенно далее.

Если обратиться к противопоставлению понимания знанию соответственно современным понятиям, можно получить примерно следующую таблицу:

	Знание:	Понимание:
1.	коллективно	индивидуально
2.	дробно (закрытосистемно)	цельно (открытосистемно)
3.	обезличено (претендует на объективность)	лично (субъективно), субъектоцентрично)
4.	униmodalно (знаю либо не знаю, есть или нет)	плюриmodalно (затрагивает самые разные аспекты бытия и сознания)
5.	монологично (не требует обратной связи от своего реципиента)	диалогично
6.	статично (высказали — и готово)	динамично (предполагает неизбежную трансформацию, флуктуации)
7.	категориально (выражается в стандартных знаках и требует однозначности восприятия)	образно (выражается системой неоднозначных символов)
8.	текстуально (стремится к максимальной линейности изложения)	дискурсивно (принципиально нелинейно)

Что мы видим? Индивидуальность понимания соответствует розановскому принципу *индивидуальности* образования, цельность понимания — принципу *целости*, личностный характер понимания — (с оговорками) принципу *единства культурного типа* (к которому примыкает также розановский принцип *местности*), образность понимания соответствует розановскому принципу *художественности* образования [10, с.91–102]. Что же касается плюриmodalности, диалогичности, динамичности и дискурсивности, то приходится признать: в отношении этих четырёх признаков понимания Розанов-педагог стоял на позициях, пониманию оппозиционных. Заложённая в тексте «О понимании...» противоречивость авторского подхода видна невооружённым глазом: этот текст не только не вызывает желания себя понять, но, скорее, возбуждает рвотный рефлекс, поскольку о *понимании* брянский Розанов умудрился написать, используя приёмы самого что ни на есть тупорылого *знания!*.. Переходя же к педагогическим статьям Розанова послебрянского, мы обнаружим приблизительно ту же картину разительной имманентной противоречивости: реально существующее просвещение в его концепции оказывается беспросветным мраком, а средневековый мрак возводится в образец света, Розанов болеет душой и за реального учителя, за реального ученика, для которого школьное образование становится каторгой, выступает против *удавки книжности*, за правильное целеполагание и проч., но, с другой стороны, противопоставляет школьному *идиотизму* утопию патриархальной крестьянской семьи, *воспитание трудом и нуждою* [10, с. 122–128], а коли этого мало, то и розгой: «Розга — это насилие надо мною, которое вызывает все мои силы к борьбе с собою <...вызывает> деятельность, силу, напряжение» [10, с. 141–142]. Розга предстаёт в словах Розанова прямо-таки просветляющим сознание элементом, едва ли не земным эквивалентом-воплощением Бога: ибо истязаемый ребёнок, видите ли, отрешается от суетных деталей быта и проникается искомой мистической целостностью, заглядывает далеко вглубь себя самого и почти что восхищается на седьмое небо. От розги же — начало самоосознания и *гордости* за себя: *я не хуже тех, кто наказывает меня* (там же)... То есть, суммируя, можно заключить, что мысль Розанова движется как бы разом в двух диаметрально противоположных направлениях, раздваивается, будто кем-то запрограммированная.

«В нас все законы уже расшатаны» — констатирует Розанов падшее состояние человека (который, однако, вовсе *не беззаконник по природе*). Затем это осознание *падшести* сменяется в тексте т о с к о й п о в о ж д ю «с крепким законом в себе», который «научил бы, призвал бы к труду и в труде указал бы смысл» [10, с. 145–146]! В своё время («время грубое, время жестокое, время поверхностное во всех отношениях» [10, с. 169]) Розанов, задолго до товарища Сталина, — сталинист, ярко выражает мещанско-интеллигентскую мечту о сильной отцовской руке: Сталин типа сечёт взрослых, взрослые секут детей своих — и в стране полный порядок, как в духовном отношении, так и в материальном. «Покажите [человеку] закон истинный, невыдуманный, взятый из вечной его природы, — и он этому закону подчинится, потому что не может не почувствовать, что здесь для него — и успокоение, и радость» (Там же). (Закон, спросим, животного заискивания и покорности перед вышестоящим по рангу и жестокости к нижестоящим? Если человек по природе своей не животное, если он сотворён, как полагает Розанов, иначе, отчего же такие труды, требуемые для открытия человека в человеке?) Розанову кажется, что источник «беззакония» — в «страшном перевесе <...> умственной стороны» [10, с. 144], в распространяющейся с Запада рассудочности, в этом «ложном» просвещении, подвергающем сомнению священную патримониальную традицию... Злобный недоучка И.В. Сталин, поди, устроил бы В.В. как правитель России, повесь Иосиф Виссарионович на шею православный крест и возьми в руки икону. Да, вот только устроил ли бы В.В. — Сталина, большой вопрос.

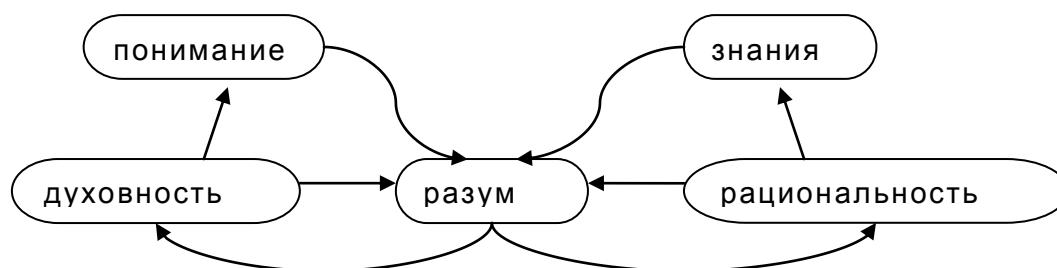
Как известно, характер юного Розанова складывался в неблагополучной семейной обстановке: безотцовщина, унижительная бедность, сызмала тяжкий труд, жестокие физические наказания, плохие условия для учёбы, лицемерие в быту и политический кризис в обществе [6, с. 23–24]. В результате мы наблюдаем двоякую картину: Розанов как рьяный сторонник розги и религии, и он же — апологет индивидуализма и эмпатии... Страстный публицист, во всём стремящийся дойти до абсурда, которому ненавистна разумная середина, которого влекут к себе крайности, Розанов отразил в себе раздвоенное российское сознание своего времени: желание всё решительно изменить — и при том ничего не менять, стремление к лучшему — и пофигизм по принципу «чем хуже, тем лучше». В чём причина столь характерного российского двоемыслия и двоечувствия? В чём, как не в воспитании розгой? От чего, как не от неё, знаменитый пыл русско-

го человека повиноваться любому начальству, всякое начальство до любви ненавдя и до ненависти любя! Русский иррационализм — это превращённый рационализм не пережитой Россией Реформации: как убитый во чреве ребёнка снится преступной матери, так Россия всю дорогу страдает призраком во чреве убитого русского Лютера. Отсюда и этот русский синдром двух рациональностей в одной голове, — да только ли двух? Когда Западная Европа переходила уже от классического рационализма к неклассическому, в России общественное сознание было ещё отнюдь не убеждено, нужна ли вообще стране какая-либо наука, а значит, и нужно ли обучать детей чему-нибудь кроме Закона Божия. В этой связи приход Сталина с его «Кратким курсом» как превращённой формой катехизиса стал весьма симптоматичен.

Нам говорят: нет, всё не так. Есть, говорят, западный рационализм, он развратный, безбожный и вообще демонический; а вот русская рациональность — она сердечная, ценностная и детерминирована самим богоустановленным бытием [4, с. 125]. В который раз нас потчуют этим мифом, и в нём мы улавливаем знакомый голос донаучной рациональности В.В. Розанова (*рационализм — кабак!*), различаем розановские призывы к культуральному апартеиду и проч., и уже не можем на слух понять, где кончается цитата из Розанова и начинается современное кликушество с суетными упоминаниями Господа Бога. Почему-то для проклятого Запада Бог стал мерою разума, а для русских — мерой абсурда. Отчего? Да от розги же. Рассекла она, родимая, нашу рациональность надвое. Сколь это видно по Розанову, у которого спорят между собою рациональность Ученика («ид» + «эго»), и рациональность Учителя («эго» + «супер-эго»), а *эго-рациональность* личности теряется за бестолковыми тождественностями Учителя и оппонирующего ему Ученика («Он пожилой, но не взрослый», как сказал сегодня Жванецкий по телику)... Каким я представляю себе памятник Розанову в Брянске? Розанов за кафедрой, в вицмундире и с розгой — и с голым поротым задом. Вот истинно русский философ.

Как бы эту русскость преодолеть? Ах, не западным развратом, не постмодерном — русскостью же. Нам нужен культ, говорит Розанов. Так чем философия не подобающий культ, чем не наследница прекрасных старинных традиций? Философия — высокий культ разума, философия — умелое балансирование между знанием и пониманием (каждое из которых по-своему однобоко)... Что же должен проречь

нам идеальный философ? Он, как служитель разума, обязан возвестить нам благую весть, что у разума есть две стороны — духовность (= творческая сила) и рациональность (как способность к самоограничению и коммуникации), что разум есть именно сочетание этих двух сторон: от рациональности — знания, от духовности — понимание, и нету никакого реального антагонизма между знанием и пониманием.

Здесь мы видим две стороны разума (разума-вообще, разума *офилософленного*): экстенсивную сторону (духовность) и интенсивную (рациональность)... Стало быть, ежели мы будем жить по разуму, философски (т.е. и духовно, и рационально), то и будет наша жизнь совершенна, и никакой Ленин-Сталин, никакой батька с розгами не нужен нам станет... Но чтобы философ, реальный философ действительно так нам сказал, он должен осознавать философию именно как культ разума, а не чего-нибудь там другого... И вот ради этого благородного культа воздвигнуть в центре Брянска монумент В.В. Розанову было бы весьма педагогически рационально.

Нетрудно убедиться, что сейчас Розанова в Брянске недолюбливают. Уличают (на классицистский манер) в противоречивости (как будто формальное отсутствие противоречий является верхом мудрости [1; 2]), в педагогической некомпетентности и даже... в недостатке яркости философской! Короче, его просто знать у нас не хотят. Надеются решить современные общественные проблемы как-нибудь без него: проблему патриотизма — без него, выдающегося патриота, проблему борьбы с экстремизмом — без него, величайшего из экстремистов, проблему развития системы образования — без него, наши теперешние проблемы чудным образом предсказавшего... Яркий консерватор Розанов кажется нам слишком революционным, и мы отказываемся его понимать и принимать. Нам милее Ф.И. Тютчев, так идеально легко вписывающийся в бюрократическую систему России.

Да и зачем нам второй философ, коли есть уже Тютчев? Вакансия великого брянского мыслителя занята...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. — М., 2003.
2. Кортунов В.В. За пределами рационального. — М.: Изд. центр науч. и учеб. прогр., 1998. — <http://www.i-u.ru/biblio/download.aspx?id=1844>
3. Крикунов, А.Е. Феномен образования в русской персоналистической философии: Монография. — Волгоград, □ Елец, 2007.
4. Леонтьева, Е.Ю. Рациональность и её типы: генезис и эволюция: Учеб. пособие. — М.: МПСИ, Воронеж: «МОДЭК».
5. Лукацкий М.А. Методологические ориентиры современной педагогики. — Брянск: «Ладомир», 2008. — С. 130–137.
6. Николюкин, А.Н. Розанов. — М.: «Мол. гвардия», 2001.
7. Первов, П.Д. Философ в провинции // В.В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / Сост., вступ. статья и примечания В.А. Фатеева. — СПб.: РХГИ, 1995. — Кн.1. С. 88–101.
8. Плеханова, Т.Ф. Текст как диалог. — Минск: МГЛУ, 2003. — <http://www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=1143>
9. Розанов, В.В. Апокалипсис нашего времени / Состав., вступ., ст. А.В. Малинова. — СПб.: «Азбука», 2001.
10. Розанов, В.В. Сумерки просвещения / Сост. В.Н. Щербаков. — М.: «Педагогика», 1990.
11. Степанищев, А.Ф. Рациональность философии и науки: от классики к постнеклассике: Монография. — Брянск: БГТУ, 2006.

* * *